

Рецензия

на Заключение экспертов Крюковой Н.Н. и Тарасова А.Е. от 21 марта 2023 г. по материалу уголовного дела № 12302450029000037, составленное в автономной некоммерческой организации «Центр социокультурных экспертиз»

Москва

07 июня 2023 г.

Рецензия подготовлена на основании на основании запроса адвоката Тертухиной Катерины Викторовны 6/23 от 03.05 о соответствии научно-методическим и формальным требованиям Заключения экспертов, составленного Крюковой Н.Н. и Тарасовым А.Е. 21 марта 2023 г. в автономной некоммерческой организации «Центр социокультурных экспертиз», и обоснованности выводов этого документа.

В распоряжение рецензента предоставлены

- Акт осмотра интернет-ресурса от 24 ноября 2022 г., г. Москва, на 10 л.
- Постановление о назначении лингвистической судебной экспертизы от 21 марта 2023 г. по уголовному делу № 12302450029000037, г. Москва, на 2 л.
- Заключение экспертов № 120 от 21 марта 2023 г. по материалу уголовного дела № 12302450029000037, на 21 л.
- Протокол осмотра интернет-ресурса от 7 апреля 2023 г., г. Москва, на 4 л.
- Обвинительное заключение по обвинению Орлова Олега Петровича от 25 апреля 2023 г. с приложениями, на 12 л.

Рецензирование проведено кандидатом филологических наук по специальности 10.02.01 – «Русский язык» Левонтиной Ириной Борисовной (стаж работы по специальности – 37 лет), работающей в должности ведущего научного сотрудника, заведующего отделом Теоретической семантики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание, 2017, Том 16, № 2, с. 18-27.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011.

Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.

Рецензент исходит из того, что экспертизе как к документу определенного жанра предъявляются содержательные и формальные требования, зафиксированные в документах правового характера, в частности в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». При этом в основе любой лингвистической экспертизы и заключения специалиста лежит научное исследование, проводимое на основании понятий и методов, принятых в лингвистике. В связи с этим к тексту Заключения экспертов возникает ряд замечаний.

1. Формальные замечания

Поскольку лингвистическая экспертиза – это научное исследование, авторы должны обладать достаточным опытом научных исследований в области лингвистики.

Согласно информации, приведенной в Заключении экспертов, Крюкова Н.Н. является кандидатом педагогических наук, имеет высшее образование по специальности математика¹. Диссертация защищена по теме «Формирование эстетических суждений старшеклассников в процессе внеклассных занятий по искусству» (<https://search.rsl.ru/ru/record/01000134046>). В Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) у Крюковой Н.Н. не фиксировано ни одной научной работы (<https://www.elibrary.ru/authors.asp>). То есть, опыта научной деятельности Крюкова Н.Н. не имеет, установить индекс цитируемости Хирша невозможно. Таким образом, **Крюкова Н.Н. не обладает необходимыми «специальными познаниями» для выполнения лингвистических экспертиз.**

Второй специалист – Тарасов А.Е. – имеет высшее образование по специальности иностранные языки и квалификацию переводчика и преподавателя английского, немецкого языков. Кандидатская диссертация защищена в сфере политологии («Международное сотрудничество в космосе после “холодной войны” и интересы России»)². В Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) у Тарасова А.Е. представлено шесть публикаций по политологии и еще каким-то нелингвистическим дисциплинам, причем две работы представляют собой тезисы докладов на конференциях (2 и 5):

1. Политическая картина мира: на стыке профессионального и бытового сознания. В сборнике: Профессиональная картина мира. Методология. Варианты. Практика. Москва, 2020. С. 113-127.
2. Культурный шок и удаленная работа: взаимодействие профессиональной и бытовой культур при самоизоляции. В книге: Культурно-исторические тенденции развития профессиональной деятельности. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 2020. С. 93-95.

¹ Информация на сайте «Центра социокультурных экспертиз» (http://anocse.ru/exp_list.html).

² Информация на сайте Московского городского педагогического университета (<https://www.mgpu.ru/personal/tarasov-aleksandr-evgenevich/>).

3. Удалённая работа в коронавирусную эпоху: история, проблемы и перспективы. Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020. № 62. С. 238-266. (в соавторстве с Тарасовым Е.Ф.)

4. Искусство и профессиональное сознание в эпоху интернета. Организационная психолингвистика. 2020. № 4 (12). С. 71-90.

5. Политическая деятельность и профессиональное сознание: от Карла Маркса и «революции менеджеров» к реалиям современного политического процесса. В сборнике: Профессиональная картина мира: кросс-культурный диалог. Материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 321-323.

6. Образ России как элемент внешнеполитического планирования. Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 54-65.

Общий индекс Хирша, отражающий научную активность ученого, по РИНЦУ у Тарасова Е.Ф. – 2³, что **не может рассматриваться как норма для эксперта.**

Иными словами, Крюкова Н.Н. не ведет научной деятельности вообще, а невысокая научная активность Тарасова Е.Ф. не относится к сфере лингвистики.

Итак, ни Крюкова Н.Н., ни Тарасов Е.Ф. **как лингвисты научной деятельности не ведут** – по крайней мере, это не фиксируется в Российском индексе научного цитирования. Крюкова Н.Н. как педагог-математик и Тарасов Е.Ф. как политолог вообще **не имеют профессиональной лингвистической подготовки.** Отметим отдельно, что в профессиональной среде указанные авторы обладают скандальной репутацией некомпетентных составителей большого количества профессионально несостоятельных экспертиз, внимание к которым многократно привлекало научное сообщество.

В тексте Заключения экспертов обнаруживается значительное количество **некорректных заимствований** из других источников (в основном это фрагменты, скопированные с различных сайтов). Это вообще свойственно экспертам Крюковой и Тарасову. Научное сообщество не раз привлекало к этому внимание. В рассматриваемой экспертизе, тем не менее, снова присутствуют фрагменты, которые в других текстах тех же авторов уже были идентифицированы как некорректные заимствования (в частности, ранее отмеченные в других текстах тех же авторов А. Н. Барановым). Вот некоторые примеры:

Информационный подход — методологическая установка, в соответствии с которой все коммуникативные процессы рассматриваются как сложная система процессов обработки информации, которые могут осуществляться как последовательно, так и параллельно – заимствовано с интернет-сайта: <https://ab-news.ru/2020/05/29/informaczionnyj-podhod/>.

Процесс обработки состоит из ряда последовательных или параллельных во времени этапов, на каждом из которых выполняются специфические операции по преобразованию информации (кодирование, выделение отдельных признаков, фильтрация, распознавание, осмысливание, выработка решения, формирование ответного действия и

³ Для информации: на момент написания данной рецензии рецензент имеет по РИНЦ индекс Хирша – 21, а для активно работающего ученого в РФ индекс Хирша по РИНЦ обычно не менее 10 единиц.

т. п.). Основные характеристики этапов: пропускная способность (скорость переработки), информационная емкость, тип кодирования, длительность цикла преобразования. Конечная цель и. п. - построение частной или обобщенной модели исследуемого коммуникативного процесса – заимствовано с интернет-сайта https://psychological.slovaronline.com/702-informatsionnyiy_podhod.

интраперсональная коммуникация равна разговору с самим собой, человек диалогизирует и свой внутренний 'монолог', разговаривая со своим внутренним голосом, alter ego, совестью и т.п.;

межличностная коммуникация, как правило, связана с идеальной моделью коммуникации и во многом первична, в ней участвуют двое коммуникантов (но есть варианты наблюдателя как включенного наблюдателя, так и постороннего, коммуникации на фоне присутствующих свидетелей) – заимствовано с сайта: <https://pandia.ru/text/80/381/16237.php>.

Контекст – это условия употребления слова, позволяющие уточнить его значение. В лингвистике контекст – это любой фактор, который влияет на интерпретацию лингвистических знаков – заимствовано с сайта <http://rhetoric2013.blogspot.com/2013/12/29.htm>.

Список некорректных (то есть без кавычек и указания источника цитирования) заимствований можно продолжить. Надо заметить, что **в соответствии с общепринятыми нормами научной работы такое недопустимо даже в студенческих курсовых**, а тем более в серьезных научных исследованиях. За это авторов таких текстов лишают ученых степеней.

2. Содержательные замечания к Заключение экспертов

Экспертиза обозначена как лингвистическая и проведена на основании Постановления о назначении лингвистической судебной экспертизы. Соответственно исследование должно проводиться лингвистическими методами. Действительно, эксперты пишут:

II. В процессе исследования использовались следующие лингвистические методы анализа реализованного текста:

- 1. Лексико-семантический анализ проводился с целью определения лексических значений слов и сочетаний, толкования их значений и функций.*
- 2. С помощью грамматического анализа устанавливались грамматические категории.*
- 3. С помощью синтаксического анализа выявлялись синтаксические единицы, определялись отношения между ними, устанавливались синтаксические средства.*

Во-первых, то, что перечислено, это вовсе не методы, а просто **указание на исследование разных уровней языка**. Все эти исследования могут проводиться разными методами⁴.

⁴ Например, рецензент принадлежит к так называемой Московской семантической школе и пользуется детально разработанными в ней методами; см. Левонтина И.Б. МОСКОВСКАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ШКОЛА // В сборнике: Русский язык. Энциклопедия. Москва, 2020. С. 364-

Кроме того, в действительности ни о грамматических категориях, ни о синтаксических единицах в тексте экспертизы не упоминается, да и лексико-семантического анализа в тексте нет (приводится одно словарное толкование, которое никак не комментируется).

Таким образом, **перечень лингвистических методов не соответствует содержанию экспертизы.**

Значительную часть объема экспертизы занимает теоретическая часть: III. Информационный подход в коммуникации, IV. Передача и восприятие смысла в коммуникации, V. Роль в коммуникации, VI. Речевое взаимодействие. Теоретическая часть довольно слабо связана с содержанием экспертизы, а в некоторых разделах совсем не связана (такое явное и некритичное воспроизведение фрагментов других текстов неудивительно, если учесть, что, по данным, приведенным в начале экспертизы, работа над ней заняла у авторов всего шесть часов). Например, о ролях, разобранных в теоретической части весьма подробно, при описании спорного текста далее вообще не говорится. А раздел VI. Речевое взаимодействие полностью посвящен подробному описанию интернет-сленга, хотя исследуемая публикация представляет собой перевод написанной обычным литературным языком статьи и не имеет отношения к интернет-сленгу. То же касается рассуждения о креолизованных текстах, которые ни для чего не нужны: далее рассматривается обычное текстовое содержание спорной публикации. Вообще в теоретической части зачем-то сделан акцент на разговорной диалогической речи, хотя предмет рассмотрения экспертов – публицистическая статья, перевод которой опубликован в социальной сети. Авторы пишут: *Что касается «степени заинтересованности», то из разговорной речи этот аспект определить не представляется возможным. Что значит не представляется возможным, если никакая разговорная речь не является предметом рассмотрения?*

В разделе «Ситуация коммуникации» (подписан экспертом Крюковой) говорится: *Как следует из содержания материала статьи ее цель – воздействие на сознание читателей с помощью специально сконструированного текста, ведущего к разрушению положительного образа Российской Федерации, дискредитации... Каким образом следует? Никакой анализ не проведен. Кроме того, воздействие на сознание – вообще не категория лингвистики.*

Текст статьи отличается провокативностью, целью которой является вызвать у читателей спонтанную реакцию, из-за которой происходит некритическое восприятие им транслируемых убеждений и установок. В чем провокативность? Каковы ее лингвистические признаки? Какое отношение некритическое восприятие имеет к лингвистике?

В данном случае приведенный материал постепенно вытесняет объективный образ и становится доминирующим в информационной модели ситуации, которая провоцирует у вовлеченных участников стрессовую ситуацию. Как все это связано с

366. Современные методы толкования и семантической экспликации семантики слов и высказываний основаны на использовании специальных семантических метаязыков, – см., например, метаязык Московской семантической школы Ю.Д. Апресяна и метаязык семантических примитивов Анны Вежбицкой.

лингвистикой? Что такое объективный образ? Как устанавливается, что он у кого-то *постепенно вытесняется*? Чем доказывается, что статья вызвала у кого-то *стрессовую ситуацию* (хотя, повторяем, сами категории стрессовой ситуации и вытеснения образов не имеют отношения к лингвистике)?

Это лишь малая часть **бездоказательных и никак не связанных с лингвистикой** утверждений этом разделе.

Теперь обратимся к разделу «Лингвистический анализ» (подписан экспертом Тарасовым):

Автор текста позиционирует себя как человек, занимающий правозащитную антироссийскую позицию

Это утверждение **не соответствует содержанию** спорного текста. Автор совершенно не позиционирует себя как человек с антироссийской позицией. Напротив того, он выражает озабоченность положением России в связи с последствиями СВО: «*Это ещё и тяжелейший удар по будущему России*».

Возможно, эксперты имели в виду, что Орлов *позиционирует себя как человек, занимающий правозащитную позицию*, а они при этом считают такую позицию антироссийской. Однако **в экспертизе недопустима подмена исследования выражением гражданской позиции эксперта**. Этим нарушается требование **объективности**.

Автор осуществляет дискредитацию СВО, выражает отрицание фактов использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях Защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания мира и безопасности

Высказывание *Автор осуществляет дискредитацию СВО* лежит **за пределами компетенции лингвистики**. Дискредитация – это не лингвистическое понятие, что видно даже из того толкования, которое ниже приводят сами эксперты:

Дискредитация – умышленные действия, направленные на подрыв доверия к кому-либо, чему-либо, умаление авторитета, утрата значения кого-либо, чего-либо.

Умышленность действия, его направленность (цель) – это то, что не может устанавливать лингвист. У дискредитации есть лингвистическая составляющая. Она предполагает сообщение **негативной информации**: например, говоря об армии, человек утверждает, что имеются факты мародерства, дезертирства, жестокости, некомпетентности. Очень важно, что в случае *дискредитации* человек не просто плохо говорит о ком-то или чем-то, но делает это с определенной целью – чтобы вызывать **недоверие** (ср. латинское *credo* – верю). Этим *дискредитировать* отличается, например, от *критиковать*. *Критикуют*, чтобы исправить положение. А, скажем, *обвинять* предполагает другую цель – чтобы обвиняемого наказали. То есть, и *дискредитировать*, и *критиковать*, и *обвинять* имеют большую общую часть смысла: сообщать что-то плохое. Однако они различаются целью речевого акта.

Итак, если говорить о наличии в каком-то высказывании лингвистических признаков *дискредитации* чего-либо, недостаточно установить, что в высказывании имеется негативная информация; необходимо еще описать цель речевого акта. Например, высказывание «У вас во втором предложении опечатка», скорее всего,

делается с целью помочь исправить ситуацию, а не с целью вызвать недоверие к пишущему. Это, однако, не может устанавливаться лингвист.

Таким образом, утверждение *Автор осуществляет дискредитацию СВО* выходит за пределы экспертной компетенции, не говоря уже о том, что этот вывод ничем не обосновывается.

Теперь рассмотрим вторую часть высказывания:

(Автор) ...выражает отрицание фактов использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях Защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания мира и безопасности

Итак, здесь речь идет об отрицании фактов. Обратимся к принятому в современной науке понятию факта.

Факт – это такое представление о действительности, которое является простой фиксацией внеязыковой реальности, не зависящей от индивидуальных взглядов, ценностей и предпочтений говорящего. Факт обладает свойством верифицируемости и фальсифицируемости, то есть может быть подтвержден предъявлением того фрагмента внеязыковой действительности, слепком с которого он является, или опровергнут невозможностью такого предъявления. Факт с логической точки зрения противопоставляется мнению, оценке, интерпретации, предположению, которые представляют собою умственные конструкции, создаваемые говорящим и зависящие от его индивидуальных особенностей. Они не являются слепком каких-либо жизненных ситуаций, поэтому не могут быть подтверждены или опровергнуты.

Факты использования Вооруженных Сил Российской Федерации в ходе СВО автор никак не отрицает, наоборот, он их подтверждает.

Что же касается части *в целях Защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания мира и безопасности*, то здесь ситуация другая. В этой части выражается не факт, а его интерпретация. Автор с этой интерпретацией не соглашается, поскольку у него противоположное мнение – что СВО противоречит *интересам России и ее граждан, поддержания мира и безопасности*. Однако он не оспаривает никакие факты, а по-другому оценивает те же самые факты. Это специально подчеркивается имеющимся в тексте публикации на странице автора в социальной сети Фейсбук указанием: *В тексте изложена личная позиция автора*.

При этом эксперты и данный вывод никак не обосновывает. Вместо этого эксперты приводят *Высказывания, непосредственно касающиеся СВО*.

Среди этих высказываний, в частности, следующие (в квадратных скобках мы восстанавливаем фрагменты, пропущенные экспертами при цитировании):

Самые темные силы в моей стране, - те, [кто мечтал о полном реванше за распад Советской империи. Те, кто постепенно становились хозяевами страны, кому было мало последовательного удушения свободы слова, подавления гражданского общества, фактической ликвидации независимой судебной системы.] Все они праздновали на протяжении последних месяцев победу.

В этом фрагменте ничего не говорится о СВО, и непонятно, каким образом он может быть *непосредственно связан* с ее «дискредитацией» и «отрицанием фактов».

[Противопоставление России в настоящем, прошлом и будущем окружающим государствам (прежде всего, европейским), утверждение превосходства самобытной русской (не в узко-этническом, но имперском смысле) культуры,] отрицание самого существования украинского народа, языка, культуры – [все это стало основой сегодняшней государственной пропаганды].

Прежде всего, процитированный фрагмент *отрицание самого существования украинского народа, языка, культуры* вырван из контекста и в таком виде вообще не может служить предметом семантического анализа. В приведенном фрагменте говорится об отрицании российской пропагандой *самого существования украинского народа, языка, культуры*, но ничего не сказано о СВО.

То же самое касается следующей фразы:

«Верхи» и «низы» слились в экстазе «патриотизма» и ненависти к независимой Украине. Здесь речь не о СВО, а о настроениях в российском обществе.

Таким образом, раздел «Лингвистический анализ» устроен так: сначала заранее формулируются выводы, причем выходящие за пределы компетенции лингвистики, а затем приводятся несколько цитат из спорной статьи, причем они никак не анализируются, никак не связываются с теми выводами, которые голословно сформулированы в начале раздела, а часть приведенных цитат вообще не относятся к тому, о чем сказано в начале. Иными словами, раздел «Лингвистический анализ» **не содержит никаких элементов лингвистического анализа, а имеет имитационный характер.**

В рассматриваемой экспертизе обращает на себя внимание очень неточное использование лингвистической **терминологии**. Это относится, например, к понятию коммуникативной ситуации. Эксперты пишут: *Коммуникативная ситуация сводится к созданию у адресата негативного отношения к проводимой Специальной военной операции на Украине.*

Однако в лингвистике **коммуникативная ситуация** – это ситуация речевого общения двух и более людей. Коммуникативная ситуация состоит из следующих компонентов: 1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношения между говорящим и слушающим и связанная с этим 4) тональность общения (официальная – нейтральная – дружеская); 5) цель; 6) средство общения (язык или его подсистема – диалект, стиль, а также паралингвистические средства – жесты, мимика); 7) способ общения (устный/письменный, контактный/дистантный); 8) место общения.

Тем самым, термин коммуникативная ситуация употреблен абсолютно неуместно. Скорее имеется в виду **коммуникативная цель (коммуникативное намерение, коммуникативная интенция)** – то, чего говорящий хочет добиться в процессе общения, план, проект, который определяет речевое поведение субъекта в данном общении и в его отдельных репликах.

Странно употреблен и термин стереотип: *Для обоснования данной негативной оценки автор использует в тексте стереотипы, которые он использует при раскрытии тем, предложенных им к обсуждению.*

Например, один из таких стереотипов формулируется экспертами так: «Военные не должны осуществлять противоправных действий».

Между тем, слово *стереотип* имеет здесь следующее значение:

СТЕРЕОТИП, -а; м. [от греч. *stereós* - твёрдый и *týpos* - отпечаток] 3. Привычное отношение человека к какому-л. явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта. Стереотипы поведения, восприятия. / Устаревшие, предвзятые представления, связанные с предрассудками. *Он не может выйти за рамки стереотипа.*

Большой толковый словарь русского языка.

Гл. ред. С. А. Кузнецов.

Первое издание: СПб.: Норинт, 1998.

Например, под стереотипами понимаются такие утверждения, как: *Все французы галантные; Женщины плохо водят машину* и т. п. В каком смысле назван стереотипом тезис *Военные не должны осуществлять противоправных действий?* Это не стереотип, а общепринятая моральная и юридическая норма. Эксперты неверно используют здесь понятие стереотипа. В результате остается непонятным, почему плохо, что автор статьи в своей аргументации опирается на общепринятые нормы морали и права.

Следует также отметить крайнюю небрежность текста экспертизы, которая иногда доходит до путаницы и абсурда. Так, в ответе на вопрос № 4, доказывая, что «в тексте имеется отрицание фактов использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях Защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания мира и безопасности», авторы пишут: *Ставя современную Россию в один ряд с европейскими государствами, имевшими режимы фашистской диктатуры, автор утверждает, что Россия станет источником безопасности для европейских стран, а источником внутреннего сплочения и соорганизации народа в российском государстве, по мнению автора является Специальная Военная Операция*⁵.

Здесь нет никакой логики: если *Россия станет источником безопасности для европейских стран*, каким образом это подтверждает доказываемый тезис? Наоборот, это утверждение опровергает тезис.

Далее эксперты пишут: *Это утверждение является по смысловому пониманию отрицанию фактов использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания мира и безопасности*⁶. Здесь нарушена грамматическая правильность и связность текста (равняется отрицанию? является отрицанием?).

Выше уже цитировалась формулировка *Автор использует в тексте стереотипы, которые он использует...*

Ср. также *В коммуникации в сети Интернет используется интернет-сленг – неофициальная форма языка, используемая людьми в Интернете для общения друг с другом.*

Приведем еще один показательный пример – орфографическую ошибку, причем в термине: *Использовались следующие методы анализа креализованного*⁷ *текста.*

ВЫВОДЫ. Рецензируемое «Заключение экспертов» характеризуется крайне низким научным уровнем. Экспертами грубо нарушены не только методические

⁵ Этот фрагмент экспертизы дословно воспроизводится в Обвинительном заключении.

⁶ Этот фрагмент экспертизы дословно воспроизводится в Обвинительном заключении

⁷ Надо *креализованного*.

рекомендации, но и общепринятые принципы научной работы: материал собран некорректно, заявленные методы исследования не используются, теоретическая часть не связана с основным содержанием текста, анализ не подтверждается материалом, выводы не следуют из анализа и лежат за пределами компетенции соответствующей науки (в данном случае лингвистики, в задачу которой не входит установление истинности высказывания, психологического состояния читателя и т. п.). Пренебрежение базовыми для научного исследования принципами объективности, доказательности и полноты приводит к абсолютной недостоверности выводов. Авторы демонстрируют теоретическую беспомощность, слабое владение лингвистической терминологией и техниками лингвистического анализа. Текст написан небрежно, изобилует редакторскими погрешностями и даже содержит орфографические ошибки.

Кандидат филологических наук

И. Б. Левонтина

Подпись руки И. Б. Левонтина удостоверяю.

Главный специалист по кадрам
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института русского языка
им. В. В. Виноградова Российской академии наук

" 08 " " июля " 2018 г.

